

Река Небесной Воды.

За одну ночь Город между Облаками лишился множества жителей. Люди засыпали в своих постелях и больше не просыпались — уходили тихо, беззвучно. Горожане в страхе шептались, что на город обрушилась сонная напасть.

Особенно всех потрясла кончина Ху Фэна. Он не был простым демоном. Род демонов неохотно плодится естественным путем, оттого каждого ребенка в семьях берегут пуще золота.

Его отец, Ху Цинь, устроил настоящий разнос в резиденции Мо Линя, требуя справедливого возмездия за смерть наследника.

Развлекательные ладьи на Реке Небесной Воды опечатали. Прежде шумная и оживленная, теперь она казалась мертвой.

На воде не было видно праздных гуляк; лишь у причала несли караул двое воинов Армии Таинственных Символов. Удивительно, но даже после сонного поветрия стража не усилила бдительность, ограничившись этим куцым дозором.

Вэнь Ци мерно налегал на весла. Сяобай, устроившись на палубе, откровенно скучал, баюкая в руках говорящую голову призрачного заклинателя. Су Цзюгуй неподвижно сидел на носу лодки.

— Стой, — произнес Су Цзюгуй.

Вэнь Ци тут же замер, перестав грести. Они находились в самом сердце Реки Небесной Воды — месте, куда прогулочные суда обычно не заплывали. Поговаривали, что здесь верховодят речные твари, и если лодка перевернется, глупой и мучительной смерти не избежать. И все же юноша беспрекословно подчинился, лишь с любопытством поглядывая на наставника: что тот задумал?

Су Цзюгуй слегка шевельнул пальцами, и из них скользнула тончайшая паутинка. Похоже, сознавая свою малодушную оплошность во сне, она теперь вела себя робко и заискивающе, словно опасалась гнева хозяина. Безвольно обвиснув, паутинка уныло потянулась к его руке, а затем, словно пытаясь загладить вину, ласково обвила кончики пальцев.

Ее повадки Су Цзюгуй изучил досконально: стоило на пути возникнуть мало-мальски грозному противнику, как эта чертова нить улепетывала быстрее ветра.

Разжав ладонь, Су Цзюгуй позволил прозрачным волокнам скользнуть вниз. Послушная его воле паутина бесшумно ушла под воду. Со стороны могло показаться, будто человек на носу просто удит рыбу.

Вэнь Ци, все еще прижимая к себе голову пленного призрачного заклинателя, вытянул шею от любопытства. Прежде ему не доводилось видеть подобного зрелища.

Вдруг нить натянулась — словно на крючок попалась крупная добыча. Что-то в темной глубине с силой рвануло ее вниз.

Су Цзюгуй резко свел пальцы вместе и потянул на себя. Из речной пучины медленно поднялось бездыханное тело. Су Цзюгуй осторожно перенес его и опустил на дно лодки.

— Э-это... человек? — запинаясь, спросил Вэнь Ци.

Сухие, похожие на солому волосы плотным коконом опутывали труп, не оставляя ни единого просвета.

На теле мертвеца белели шесть талисманов. Пять из них, старые и выцветшие до неузнаваемости, крепились на груди и конечностях. Шестой, совсем свежий, пламенел на лбу.

Су Цзюгуй бережно снял верхнюю бумагу. Сомнений не оставалось: рука Цзи Юаньчу. Знаменитое Заклятие Двух Жизней с Горы Вечной Юности. На талисмане отчетливо проступало имя «Су Цзюгуй». Жертва этого проклятия была обречена преследовать его до тех пор, пока не убьет, иначе магия обращалась против самого одержимого.

Подобные тайные техники на Горе Вечной Юности держали под строжайшим запретом и пускали в ход лишь во времена войн, чтобы чужими руками устранять ключевых врагов.

По сути, Заклятие Двух Жизней давно граничило с темным колдовством: сотворивший его принимал на себя тысячекратную боль. Выходит, пока Су Цзюгуй отчаянно боролся за жизнь в паутине чужих кошмаров, Цзи Юаньчу наяву корчился в невыносимых муках, умирая и воскресая от собственного проклятия.

Призрачный заклинатель хмуро уставился на извлеченный талисман. Цзи Юаньчу был его господином, и слуге хватило единого взгляда, чтобы понять, в какую опасную авантюру ввязался патрон.

"Каков размах... Неужели жажда прикончить Су Цзюгуя настолько сильна, что он решился на подобное безумие?"

Су Цзюгуй один за другим снял оставшиеся талисманы с тела Девы-змеи. Стоило сорвать последнюю печать, как душившие ее путы мертвых волос разом утратили силу. Жесткие черные нити, некогда заменявшие стальные оковы, превратились в прелую солому. Волосы, плотно забивавшие ее рот, ослабли и вывалились наружу, обнажив истинное лицо несчастной.

В нос ударил невыносимый, удушливый смрад разложения.

Снятие печатей обнажило жуткую правду о последних минутах ее земной жизни. Когда Вэнь Ци разглядел лицо мертвеца, он мгновенно побледнел, перегнулся через борт, и его шумно вывернуло наизнанку.

Зрелище было поистине омерзительным.

То тоскливое нечто, что лежало перед ними, едва ли напоминало человеческое тело. Кожа и плоть превратились в гнилое месиво; на теле не осталось живого места — всюду чернели шляпки костяных гвоздей. Несчастную заживо распяли, вбив в нее девятнадцать костяных гвоздей.

— Демоны умирjali ее душу, — негромко произнес Су Цзюгуй.

Выжав из Девы-змеи все до последней капли, ее хозяева испугались грядущего возмездия и решили навечно запечатать ее дух, лишив возможности переродиться.

Тысяча лет скитаний без упокоения — половина этого срока держалась на ее собственной слепой ярости, но другую половину сотворили демоны. Она покорно исполняла их приказы, заматала за ними следы, а взамен получила лишь мучительную смерть и вечное проклятие.

Раздался тихий, костяной щелчок — первый гвоздь поддался и вышел наружу.

Су Цзюгуй аккуратно, виток за витком, выкручивал глубоко засевшее в плоти острие при помощи тонких нитей. Эту жуткую, вызывающую тошноту работу он проделывал с поразительным хладнокровием. Ни один мускул не дрогнул на его лице. Казалось, он занят не оскверненными останками, а самым будничным делом — скажем, выводит каллиграфические иероглифы за рабочим столом.

Когда последний гвоздь со звоном упал на доски, из груди мертвой Девы-змеи вырвался тихий, едва различимый вздох. Губы ее приоткрылись, выпуская струйку черного тумана. Облачко недолго кружило над лодкой, словно потерявшийся котенок, а затем растаяло без следа. Изувеченное тело начало стремительно распадаться, превращаясь в светящийся пепел, который мягко уносило ночным ветром.

Вэнь Ци заворуженно смотрел на это преображение. Только что лежавшая перед ним кошмарная гниль теперь рассыпалась мириадами крошечных искр — словно кто-то из небожителей небрежным жестом развеял пригоршню звездной пыли.

В груди юноши всколыхнулось странное, щемящее чувство. Он никогда прежде не встречал Деву-змею, но в этот миг ему показалось, что они были знакомы всю жизнь. Затаив дыхание, он почтительно провожал взглядом угасающее свечение ее праха.

— Учитель, — тихо спросил Вэнь Ци, — кто она?

Жители Города между Облаками даже не подозревали, что когда-то их безжалостно вырезали. Лишь благодаря великой иллюзии, сотворенной Девой-змеей, юноша и его соседи смогли дожить до сего дня, не ведая ужаса.

Вся эта история давно канула в лету. Открывать правду горожанам не имело никакого смысла — знание лишь принесло бы им лишние страдания.

— Дева-змея, — ответил Су Цзюгуй. Он рассудил, что Вэнь Ци имеет право знать хотя бы ее имя.

Кратко пересказав случившееся в кошмаре, Су Цзюгуй заключил:

— Ваши предки обязаны ей жизнью. Считай, что вы все долгие годы жили под ее крылом.

Вэнь Ци кивнул, хотя так и не понял до конца, о каком именно покровительстве шла речь. На душе у него сделалось пусто и тоскливо, словно от застарелой, так и не зажившей раны.

Едва останки Девы-змеи окончательно развеялись, Су Цзюгуй ощутил покалывающее тепло у себя на поясе. Из широкого рукава его одеяния скользнула крошечная чернильная змейка. Словно нарисованная тушью, она обвила его запястье, переползла на тонкие пальцы и преданно замерла, ласково притираясь к подушечке указательного пальца.

— Ох... — Вэнь Ци вытаращил глаза. Он прекрасно помнил, что никакой змеи у наставника раньше не водилось. — А это еще что за зверь?

Су Цзюгуй опустил взор на гибкое угольное тельце.

— Похоже, я ее съел.

— С-съели? — заикнулся Вэнь Ци. Наставник произнес это с таким будничным видом, будто речь шла об обеде в таверне.

Кого съел? Неужели его благочестивый учитель питается демонами?

После того как кошмар рассыпался прахом, Су Цзюгуй очнулся в яви, однако дать точное определение случившемуся не мог даже он сам.

В зыбком пространстве сна дух Зеркала Поглощения Морей поглотил порождение кошмаров — Змею кошмаров. Для самого Су Цзюгуя это ощущалось так, словно он лично вкусил чужую плоть.

Су Цзюгуй не стал ничего объяснять. Он прикрыл веки, и растерянный голос ученика тут же растаял вдали. Окружающий мир погрузился в безмолвие.

Обычные люди, закрывая глаза, видят лишь темноту или обрывки собственных воспоминаний. Смертным недоступны глубокие чертоги разума.

Удел заклинателей — собственное духовное море, бескрайняя обитель души. Чаще всего оно представляет собой пустошь, безбрежный океан или вечно шумящий сосновый бор, где веет прохладой и медленно плывут облака. Это тихое прибежище создано исключительно для медитации и обретения покоя.

Прежде духовное море Су Цзюгуя было девственно чистым — безупречно белым, лишенным каких бы то ни было очертаний.

Теперь же в этой белизне прямо из пустоты начали со свистом взлетать резные балки и кровельная черепица. Повинуясь одному лишь движению его мысли, кирпичи складывались в стены, а балки сплетались в перекрытия. Отныне он сделался полновластным хозяином этого зыбкого пространства.

Спустя мгновение перед ним выросла исполинская башня.

Павильон Свитков на горе Великой Чистоты...

Су Цзюгуй мысленно протянул руку и снял с полки один из томов. Тот лег на ладонь весомо, как настоящий. Это был простейший трактат для начинающих — «Свиток о постижении первозданного хаоса». Развернув его, заклинатель бегло пробежал глазами строки: иероглифы стояли на своих местах, ни единой ошибки.

Он вытащил другой манускрипт — «Канон Тайного Проникновения в Истину». И вновь текст оказался безупречным.

За долгие годы ученичества на горе Великой Чистоты Су Цзюгуй перечитал бесчисленное множество книг. Иные он пролистывал наспех, едва цепляя взглядом страницы, и вряд ли смог бы воспроизвести по памяти наяву.

Но теперь каждая книга, которую он держал в руках хотя бы мгновение, заняла свое законное место в его духовном море. В его распоряжении оказалась вся библиотека ордена.

Отныне он обрел истинное совершенство памяти: любая крупица знаний запечатлевалась в чертогах разума навечно, готовая явиться по первому зову.

Подобное могущество превосходило любые пределы человеческого разума.

Но и это было лишь началом. Он попробовал воззвать к собственным силам — ведь в кошмаре он вновь принял обличье великого Лу Юньцзи и владел всей той сокрушительной мощью, что принадлежала ему в прошлой жизни.

Став полноправным владыкой иллюзорного царства, он не собирался ограничиваться одним лишь Павильоном Свитков. Все сокровища и тайны, некогда принадлежавшие Деве-змее, теперь перешли к нему.

Стоило ему пожелать — и к небесам взмывали величественные нефритовые дворцы; стоило пожелать — и реки поворачивали вспять, а горы рушились в бездну. По его воле этот сотворенный мир мог быть уничтожен и воссоздан заново.

Означало ли это, что теперь он сумеет добраться до сокрытой истины и узнать, что же на самом деле произошло на горе Великой Чистоты?

Утраченные воспоминания можно было отыскать здесь же, по крупицам собрав картину прошлого. Он мог в одно мгновение понять, почему Чжубай превратился в то, чем стал теперь.

Су Цзюгуй вновь погрузился в созерцание своего внутреннего мира, пытаясь распутать клубок стертых воспоминаний, как вдруг до него донесся тихий, чистый девичий голосок:

— Будь осторожен... Не потеряйся в собственных снах.

Су Цзюгуй разомкнул веки. На ступенях винтовой лестницы, подперев ладонями подбородок, сидела Дева-змея. Рядом с ней, безмолвная и светлая, стояла целительница Хо Цин. Дева-змея лукаво склонила голову набок, блеснув острыми клыками, однако взгляд ее был исполнен искренней заботы.

Это было предостережение. Если он заблудится в дебрях собственного разума, некому будет прийти и вызволить его из вечного плена.

Су Цзюгуй прекрасно понимал, как сильно рискует. Он не помнил трагедии горы Великой Чистоты, но Змея кошмаров уже пробудила дремлющие в глубине его души страхи. Стоило на миг дать слабину — и он сам, подобно несчастной Деве-змее, окажется заживо погребен в коконе собственных ужасов.

Более того, воля и духовная мощь Су Цзюгуя многократно превосходили силы его предшественницы. Рожденный им кошмар обрел бы поистине разрушительную силу. Случись ему потерять контроль над собой, это безумие захлестнуло бы весь подлунный мир.

— Благодарю за совет, — отозвался Су Цзюгуй.

В искусстве созидания снов Дева-змея по правому делу могла считаться его наставницей.

Ощущения, переполнявшие его сейчас, казались невероятными. Внутренние меридианы ширились от избытка духовных сил; он чувствовал себя единовластным господином сущего. Признаться, даже в прошлой жизни, будучи великим бессмертным почтенным, он не испытывал столь пьянящей легкости и свободы.

Но у него по-прежнему оставалось множество вопросов.

— Откуда взялась эта змея на моем запястье? — спросил он.

— Раньше она принадлежала мне, — ответила Дева-змея.

С самого рождения ее сопровождала эта призрачная, словно выведенная тушью змейка, даровавшая своей хозяйке способность проникать в чужие сны. По сути, Змея кошмаров была ее близнецом, второй половиной души.

Они существовали в неразрывном союзе. Даже после того как израненную Деву-змею сбросили на дно Реки Небесной Воды, верный дух остался подле нее, деля пристанище в туманных лабиринтах чужих грез.

Теперь Су Цзюгую все стало ясно. В отличие от Ло Цяоцяо, этот призрачный змей не имел физической плоти, а значит, лишен был и золотого ядра. Чернильный след на его запястье был истинной формой этого духа.

— Ты не убьешь меня? — тихо спросила Дева-змея.

Теперь власть над иллюзией безраздельно принадлежала Су Цзюгую. Ему достаточно было мимолетной мысли, чтобы стереть ее существование без следа. Если уподобить этот сон государству, то Су Цзюгуй стал его новым правителем, тогда как прежняя владычица лишилась трона. Любой на его месте не задумываясь уничтожил бы предшественницу, дабы раз и навсегда обезопасить себя.

— Зачем мне это делать? — удивился Су Цзюгуй.

Дева-змея поджала губы. Она привыкла к тому, что благочестивые заклинатели вечно твердят о справедливости, о каре и необходимости платить кровью за кровь. Наверняка перед смертью ей пришлось бы выслушать немало высокопарных речей о спасении невинных душ и искоренении зла — именно так поступил даос с Горы Вечной Юности, когда заживо пригвоздил ее к речному дну.

— Ты не совершила никакого преступления, — просто ответил Су Цзюгуй.

И это было чистой правдой. Если бы в мире существовала подлинная справедливость, платить по счетам следовало бы отнюдь не ей. А вся злоба и обида, терзавшие ее душу веками,

растаяли без следа в то самое мгновение, когда она вновь обрела свою Хо Цин.

— Спасибо, что освободил мое тело, — негромко произнесла Дева-змея.

Будь то человек или демон, каждый заслуживает легкой смерти и покоя. Провести целое тысячелетие распятой на дне реки — участь, которой не пожелаешь и злейшему врагу.

Настоящая душа Девы-змеи давно покинула этот мир. То, что стояло перед ним, было лишь остаточным слепком ее воли, блеклым отголоском разума. Точно так же и душа целительницы давно ушла на круг перерождений, но созданный некогда образ упрямо продолжал существовать в мире снов на протяжении десяти веков.

Что же на самом деле определяет живое существо? Бренная плоть? Бессмертная душа? Или же чистая мысль, застывшая во времени?

Когда тело обратилось в прах, а дух покинул земную юдоль, но сознание продолжает жить — можно ли назвать это жизнью?

Су Цзюгуй отложил эти бесплодные размышления на потом.

— Я хотел кое о чем спросить тебя.

Дева-змея послушно выпрямилась. Су Цзюгуй вернул ей свободу и избавил от вечных мук, так что теперь она была готова ответить на любой его вопрос.

— Кто тот мужчина из твоих воспоминаний? — спросил он.

Очнувшись от сна, Су Цзюгуй долго размышлял над этой загадкой.

В воспоминаниях Девы-змеи неотступно присутствовал некто влиятельный. Именно он пленил ее, навязав жестокую сделку, шантажом принудил сотворить великую иллюзию, выставив заложницей Хо Цин, а после — хладнокровно обрек на вечные пытки на дне реки.

Но в кошмаре у этого человека не было лица. Не прозвучало даже его имени. Единственное, что можно было утверждать наверняка, — этот таинственный кукловод обладал безграничным могуществом.

Кто же он такой?

Дева-змея ненадолго задумалась. Похоже, она не ожидала, что гостя заинтересует эта деталь. Сама она давно отреклась от прошлого: ей не было дела ни до мнения жителей Города между

Облаками, ни до судеб демонического племени.

Она покачала головой:

— Я не знаю. Сколько бы ни пыталась вспомнить, лицо его всегда оставалось размытым пятном.

— Размытым? — переспросил Су Цзюгуй.

— Да, — Дева-змея тщетно пыталась подобрать нужные слова. — На нем не было маски, и лицо его не скрывал туман. Я видела глаза, нос, губы... но стоило отвести взгляд, как образ рассыпался. Я совершенно не помню его черт. Помню только, что он питал слабость к парчовым одеждам золотого цвета.

Су Цзюгуй нахмурился. Очевидно, тайная магия демонов стирала воспоминания о внешности хозяина из разума любого, кто с ним соприкасался. Тот мог править из тени годами, оставаясь неуязвимым для чужой ненависти и жажды мести — призрачный силуэт, вершащий судьбы за спинами марионеток.

— Но кое-что я все-таки вспомнила, — тихо добавила Дева-змея. — Кажется, приближенные звали его господином Цзинем.

Носящий имя «Цзинь»... Что же, это было хоть какой-то зацепкой.

Если разум Владыки Небесной Обители и впрямь остался на уровне восьмилетнего ребенка, как утверждал Вэнь Ци, то править огромным краем он физически не мог. Значит ли это, что истинным властелином Города между Облаками являлся таинственный господин Цзинь?

Су Цзюгуй давно лелеял намерение лишить жизни Владыку Небесной Обители. Цзи Юаньчу, прекрасно знавший об этом, намеренно заманил его на Реку Небесной Воды и заставил погрузиться в кошмары Девы-змеи. Распутав этот клубок иллюзий, Су Цзюгуй наткнулся на фигуру господина Цзиня.

Цзи Юаньчу привык продумывать каждый свой шаг до мельчайших деталей и никогда не совершал ничего впустую. Был ли этот жест скрытым посланием, подсказкой для старого соперника?

— Благодарю, — негромко произнес Су Цзюгуй.

От этих простых слов щеки Девы-змеи залил нежный румянец. Ей до безумия нравилось, когда ее хвалили.

Хо Цин мягко коснулась ладонью ее затылка, беззвучно напоминая, что они забыли о самом главном. Дева-змея послушно кивнула и смущенно прошептала:

— И тебе спасибо... за то, что распутал этот кошмар.

Она никогда не испытывала теплых чувств к мужчинам, но Су Цзюгуй вызывал у нее необъяснимое расположение. Он не только принес ей избавление, но и вернул ее любимую Хо Цин. Пожалуй, они просто были сотканы из одного теста — одинокие души, ищущие свой путь.

— Одного лишь спасения мало, — покачал головой Су Цзюгуй.

Он не считал свой поступок великим благодеянием и не смел принять ее благодарность — ведь его собственное дело еще не было доведено до конца.

— Ты хочешь его смерти? — прямо спросил он. — Я могу помочь тебе забрать его жизнь.

Дева-змея ошеломленно замерла. В этом призрачном чертоге разума Су Цзюгуй сохранял величественный облик своего прежнего воплощения — Лу Юньцзи. Облаченный в белоснежные одеяния, он высился перед ней непреклонной, древней горой.

Она всю жизнь оставалась ничтожной, ни на что не влияющей песчинкой в чужой игре, и никто прежде не смотрел на нее с такой глубокой, непоколебимой серьезностью.

Су Цзюгуй безмолвно ждал ее ответа.

<http://bllate.org/book/18298/1755162>